

УДК 94(47)''1918/1919'':323.273

**БОРЬБА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ВОСТОКЕ РОССИИ
СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ (1918 – 1919 гг.)**

С. П. Звягин, О. В. Курачев, С. В. Макаrchук

**THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS' STRUGGLE AGAINST
SPECULATION IN THE EAST OF RUSSIA (1918 – 1919)**

S. P. Zvyagin, O. V. Kurachev, S. V. Makarchuk

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а).

Одним из самых опасных преступлений в годы Гражданской войны была спекуляция. Она подрывала экономические основы антибольшевистской государственности. Общественное мнение разделилось при оценке этого явления. Власти принимали некоторые административные меры, которые не принесли ожидаемого эффекта.

Ключевые слова: спекуляция, пресечение, суд, милиция, общественное мнение, бюрократия.

Speculation was one of the most dangerous crimes in the years of the Civil war. It undermined the economic foundations of the anti-bolshevik statehood. Public opinion in the assessment of this are the population was divided. The authorities took some administrative measures, which did not yield the expected effect.

Keywords: speculation, suppression, court, police, public opinion, officials.

Согласно ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации в нашей стране разрешена предпринимательская деятельность. Россия шла к этому признанию не одно десятилетие. На протяжении многих лет такого рода экономическая активность граждан квалифицировалась как спекуляция. Причём в этой оценке были едины как большевики, так и их оппоненты – антибольшевистские правительства времён Гражданской войны. Данная статья посвящена борьбе противников Советской власти со спекуляцией на контролируемой ими территории.

Характерной приметой Гражданской войны и важной причиной спекуляции была дороговизна вообще и на товары повседневного спроса в частности. За 9 месяцев «власти интервенции и их ставленников» цены на продукты выросли в Омске на 764 %, причем на хлеб на 529, на картофель на 911, а на молоко на 700 % [38, с. 144].

На наш взгляд, здесь уместно выяснить и то, насколько в этом были виноваты сами власти. Ведь цены стремительно росли и на территории советской России. Имелись и другие причины дороговизны, например падение производства товаров народного потребления и сельскохозяйственной продукции.

Спекулянты пользовались упущениями в работе кооперативных и государственных учреждений. 28 января 1919 г. управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий писал в МВД о том, что в Минусинске уездные заготовители объявили твердую цену на хлеб в 9 руб. В связи с тем, что запасы зерна у населения были огромные, частные торговцы стали закупать его по 7 руб. с целью последующей перепродажи заготовителям. П. С. Троицкий предвидел убыток казне и просил содействия. 15 июля 1919 г. Департамент милиции уведомил управляющего Томской губернией Б. М. Михайловского о спекуляции в Томске казенной водкой при содействии ведомственных

учреждений. Спекулянты покупали спиртное по 16 руб. за бутылку, а потом продавали по 30 – 40 руб., а ресторанам и по 60 – 80 руб. [7, Л. 13; 8, Л. 70]. В Томске дрова стоимостью 50 руб. за сажень, продавались по 350 руб., ящик стекла соответственно за 325 и 1300 руб. Если в Харбине фунт сахара стоил 90 коп., то в Сибири уже 35 руб. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий заявил по этому поводу, что нормальной торговли нет, многие предметы выросли в цене в 20 – 40 раз, а денежное содержание увеличилось не более чем в 5 раз [16, 16 июля; 55, с. 68].

Газеты были полны публикаций на эту тему. В сентябре 1918 г. на третьей полосе «Волжского слова» весь подвал заняла анонимная статья «Юридическая природа спекуляции». В материале была принята попытка дать определение этого явления. По мнению анонима, «спекуляция – есть действие в области товарообмена, клонящееся к расстройству правильной системы распределения продуктов между потребителями» [18, 11 сент.].

Автор одной из томских газет пошёл дальше – он рассуждал о негативном влиянии такого рода действий. «Спекуляция, – писал он, – как птица небесная, не сеет и не жнёт, но не только ... кормится, а богатеет. Она богатеет потому, что другие беднеют: вернее, потому, что беднеет страна в целом... Спекулянт, – продолжал автор, – социальный паразит, и как последний, он питается падалью – разложением социальных организмов». «Спекуляция – бытовое и массовое явление: ею насыщена вся наша атмосфера, она проникает во все поры нашей жизни, ею мы дышим... она определяет психологию не одних непосредственных спекулянтов» [32, 18 дек.].

Большинство газет лишь приводили многочисленные примеры и сетовали на рост спекуляции. Для примера можно привести статью из тобольской газе-

ты под примечательным названием «Безумная спекуляция». Её автор сообщал из Тобольского уезда о том, что здесь «каждый готов купить для перепродажи все, что только подвертывается под руку, чтобы на поднятии цен что-либо для себя нажать» [48, 3 февр.]. Эту тему «Народная свобода» продолжила вопросом – «Кто теперь не спекулирует? Кто не стремится к тому, чтобы тем или иным способом сорвать с ближнего несколько лишних рублей?» [33, 28 янв.]. В другой газете содержалось категоричное заявление, что «не знающая удержу спекуляция – это язва нашей жизни, заражающая своим ядом все слои населения от мала до велика» [39, 4 апр.]. Однако в общественном мнении не было решительного осуждения этого явления.

Особо привлекали спекулянтов поставки союзников. По свидетельству английской агентуры в Сибири, снаряжение, которое поступало в Омск утром, к вечеру уже продавалось на базарах. По воспоминаниям Мельникова, в марте 1919 г. в польских воинских частях продавались товары, полученные от союзников из Владивостока. 1 августа 1919 г. генерал-майор А. Нокс телеграфировал начальству, что посылать А. В. Колчаку военное снаряжение без должного контроля над его распределением – значит бросать деньги на ветер [13, л. 5; 58, р. 206 – 207].

Некоторые издания называли и конкретный объект критики. Газета «Отечество» прямо писала о том, что «приходится наблюдать какую-то вакханалию разнузданности, особенно в ведомствах продовольствия и снабжения. В явный ущерб интересам казны и населения эти ведомства совершают сделки и спекуляции, переплачивая миллионы народных денег» [40, № 4]. Газета «Голос Сибири» выбрала для критики объект меньшего значения и упрекала в бездействии милиционеров, дежуривших на местном базаре [23, 12 февр.].

Автор «Восточного курьера» Федь в статье «Несколько слов о тыле» укорял сибиряков в том, что в то время, когда армия воюет, в тылу процветает спекуляция. Ив. Коневский на страницах курганской газеты «Земля и труд» поместил огромную, на два «подвала», статью «Борьба со спекуляцией». С целью пресечения этого явления он предложил обязать торговцев вести торговые книги, а также принять соответствующие законы [20, 2 авг.; 30]. Заслуживает упоминания и статья в томской газете «Сибирская жизнь». В начале февраля 1919 г. она рассказала своим читателям о том, что кассир цирка в Петропавловске А. Старухин спекулировал (?) на размене тыс. рублевых кредиток, установив комиссионные в размере 50 руб. Кассир был наказан комендантом города штрафом в 500 руб. При неуплате штрафа в 3-х дневный срок был предусмотрен арест на 10 суток [47, 8 февр.]. Этот факт говорит о том насколько сибиряки произвольно трактовали понятие «спекуляция».

Не обошли вниманием эту тему и мемуаристы. Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров профессор Г. К. Гинс прямо писал о том, что безудержная спекуляция разлагала тыл [21, с. 224 – 225]. Генерал-лейтенант Е. И. Достовалов вспоминал о том, что покровительствуемые начальством тыс. и жуликов, спекулянтов и теневых дельцов старались урвать что-нибудь в общей неразберихе [11, л. 38 – 70]. Современный историк Р. Лакетт считает, что в

Омске в те годы процветал черный рынок, и спекулянты делали огромные деньги [57, р. 263].

Общественность и органы власти пытались определить причины такого размаха спекуляции. Профессор юридического факультета Томского университета И. И. Аносов справедливо считал главным именно борьбу с причинами. Он назвал три из них: неудовлетворительное состояние транспорта, разруха промышленности и общественная психика. Карать спекулянтов легко, считал юрист, ловить их трудно. Выказал он и вполне здравую мысль о том, что в деле борьбы со спекуляцией наказание – еще не все [15, 22 марта].

Интересную позицию занял министр снабжения. В декабре 1918 г. он предложил принять систему более гибких мер: расширить права заготовок, поощрить торговую деятельность кооперативов и общественных организаций, привлечь торгово-промышленный аппарат к контролю над торговлей [41, 14 дек.].

Свое мнение о спекуляции высказал 8 марта 1919 г. на заседании комиссии по возрастающей преступности и вице-директор Департамента милиции МВД А. А. Траутман. Он признал то, что «спекуляция свила себе преступное гнездо буквально на всем протяжении страны. Спекуляции – как занятию, сказал он, – предаются почти все классы общества, не исключая даже и служебного элемента, женщин, стариков и даже детей». Спекуляция означала для чиновника обнищание одних и наживу для других [4, л. 1 об.].

11 марта 1919 г. в Российское правительство поступил проект Министерства юстиции о борьбе со спекуляцией [52, 26 марта]. Одна из дальневосточных газет связывала с принятием такого закона определенные надежды. Ныне закон ставит спекулянта в разряд уголовных преступников и в настроении широкой обывательской массы, по мнению корреспондента, не может не произойти сдвига в определении спекуляции как бытового явления, караемого законом. Там, где бессильной оказывалась мораль, статьи уголовного уложения должны произвести определенный эффект [54, 5 авг.].

Пока такого закона не было, министерство юстиции принимало свои меры. 29 апреля 1919 г. министр С. С. Старынкевич направил специальный циркуляр старшим председателям и прокурорам судебных палат, председателям и прокурорам окружных судов. Он потребовал предварительное следствие по делам о спекуляции вести «без малейшего замедления». Судам следовало принимать такие дела к слушанию вне очереди и «в самый кратчайший срок» [10, л. 8].

В противодействии спекуляции антибольшевистские правительства пошли путем, традиционным для российской бюрократии – были созданы специальные комиссии. В начале июля 1918 г. финансовый совет Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) обратился в торгово-промышленную палату с предложением принять участие в обследовании причин и размеров спекуляции. Вскоре такая комиссия была создана. 23 июля она обратилась к председателю Самарского окружного суда с просьбой дать разъяснение о порядке привлечения к судебной ответственности лиц, уличенных в спекуляции, а также дать

юридическое определение спекуляции как общественного явления.

Через неделю – 31 июля, комиссия подготовила проект инструкции по борьбе со спекуляцией и попросила КОМУЧ утвердить её, а также установить определение спекуляции и пополнить состав самой комиссии. 2 августа комиссия обсудила итоги своей работы сообщила в КОМУЧ о том, что находит необходимым дать юридическое определение спекуляции, вновь пополнить комиссию юристами и экспертами, дать ей право фактической проверки товаров на складах и торговых книг, право допроса и определения нормы прибыли. Однако, как писали газеты в начале сентября 1918 г., специальная комиссия по борьбе со спекуляцией в Самаре, ознакомившись с положением дел, в полном составе подала в отставку [35, 11, 23 июля; 19, 31 июля; 24, 2 авг.; 44, 11, 23 июля; 19, 31 июля; 24, 2 авг.; 44, 12 сент.].

14 мая 1919 г. в Омске состоялось первое заседание межведомственной комиссии по борьбе со спекуляцией. Ее возглавил помощник начальника Главного управления почт и телеграфа инженер Г. А. Тибукин, а в состав вошли представители Государственного контроля, военного ведомства, Министерств юстиции, финансов, продовольствия и снабжения, внутренних дел, путей сообщения и ставки Верховного главнокомандующего.

Накануне, 6 мая, канцелярия министра внутренних дел известила начальника Главного управления почт и телеграфа о том, что представителями в комиссию назначены: от Департамента общих дел чиновник особых поручений 4-го класса В. И. Шкляев, а от Департамента милиции – исполняющий дела вице-директора Департамента А. А. Траутман. Результатом работы комиссии было принятие на ее 6-м заседании 11 июня законопроекта о пресечении «посылочной» спекуляции [5, л. 25, 46, 38 – 39].

Летом 1919 г. в Иркутске по инициативе управляющего губернией П. Д. Яковлева была образована почтово-посылочная комиссия по борьбе с этим видом спекуляции. Здесь приступили к созданию правил по выдаче разрешений на отправку посылок [34, 21 июля; 18, 18 июня.]. В этом случае омские и иркутские власти пошли по пути административного регулирования.

Состоялись такие совещания и в других городах. 6 марта 1919 г. оно прошло при Управлении Приуральского округа. Здесь милиции было поручено в случае обнаружения умышленного сокрытия товаров со спекулятивными целями, составлять протокол с передачей дела в суд. 4 мая 1919 г. совещание по борьбе со спекуляцией и дороговизной состоялось в Управлении Приморской области. В его работе принял участие уполномоченный министра продовольствия в данной области Парахин. В ходе обсуждения было высказано много мнений, но общая резолюция так и не была вынесена [17, 15 марта; 56, 6 июня].

Свой взгляд на проблему был у торгово-промышленного сословия. В марте 1919 г. против преследования спекуляции хлебом выступил съезд мукомолов, а в июне подобную позицию заняли деятели химической промышленности [26, с. 126]. Однако имел место случай, когда в июле 1919 г., по ходатайству Новониколаевского биржевого комитета, был

привлечён к уголовной ответственности за спекуляцию содой крупный делец Вайдат [45, 20 июля].

Содержательный разговор о спекуляции состоялся в Омске в июне 1919 г. Тогда министр снабжения и продовольствия К. Н. Неклютин собрал совещание юристов, экономистов и представителей торговли. Присутствующие посчитали необходимым отменить все карательные постановления, имеющие своей целью борьбу с т. н. спекуляцией; устранить само слово «спекуляция», заменив его на «злоупотребление в торговле»; упорядочить работу железнодорожного транспорта, искоренив там взятки; пересмотреть законодательство о торговле и транспорте; повысить наказание и ответственность по закону; изъять такие дела из подсудности военно-полевых судов и передать их в суды общей юрисдикции [41, 28 мая; 56, 13 июня].

В сентябре 1919 г. при Государственном экономическом совете была создана комиссия в составе 9 человек для борьбы со спекуляцией. На неё была возложена задача по выработке законопроектов. Надо заметить, что еще 11 марта 1919 г. Совет министров принял решение «Об установлении и усилении наказаний за спекулятивные деяния», а в сентябре 1919 г. властями была признана необходимость государственного регулирования в торговле, промышленности и на транспорте [6, л. 13, 16; 51, с. 15 – 17].

Предпринимались и конкретные меры борьбы со спекуляцией. В марте 1919 г. Министерство путей сообщения создало на железнодорожных станциях контрольные комиссии по борьбе со спекуляцией. Однако, когда в конце апреля на станцию Екатеринбург-I прибыло два вагона, якобы с грузом для армии, в них оказались товары для местных спекулянтов [53, 15 марта, 6 мая]. Осенью 1919 г. прокурор Владивостокского окружного суда назначил двух товарищей-прокуроров специально для расследования этой категории дел [34, 15 сент.].

В борьбе со спекуляцией применялись и административные меры. После конфискации у спекулянта товара ему в паспорте ставился специальный штамп. Владельцы документов с такой отметкой стали их «терять» и просили милицию выдать им новые [37, с. 66]. Во Владивостоке, на основании постановления комиссии по борьбе со спекуляцией, начальник края подписывал приказ о высылке виновного за пределы Приморья [45, 22 авг.].

Решения судов были различными. Омский окружный суд под председательством М. А. Баранова 11 апреля 1919 г. рассмотрел дело по обвинению в спекуляции предметами первой необходимости С. Джумбаева. В соответствии со ст. 227 «Устава Уголовного судопроизводства», он был освобожден за отсутствием состава преступления. Прокурор Тобольского окружного суда провел предварительное следствие по признакам ст. 913 и 1180 «Уложения о наказаниях» по делу мирового судьи 3-го участка Тобольского уезда Розенталя, письмоводителя Веребеева и других. Им ставилось в вину скупка в селе Черном мяса, масла, дичи, клюквы и других продуктов, которые отправлялись в Ишим.

В результате в селе цены выросли. 27 апреля 1919 г. судебный следователь по Тобольскому уезду решил, что названные продукты не были предметами

первой необходимости и покупались по ценам не выше базарных. В соответствии со ст. 227 «Устава Уголовного судопроизводства» обвиняемые были освобождены за отсутствием состава преступления [1, л. 2 а; 2, л. 1 – 2, 6 об.]. В мае 1919 г. следственная комиссия в Ишиме отпустила под залог в 200 тыс. руб. Бокарева, также арестованного за спекуляцию [43, 24 мая].

В отличие от судов, оперативно и жестко на спекуляцию реагировали военные. Наиболее распространенными у них были меры репрессивного характера. В декабре 1918 г. командующий армией, штаб которой располагался в Новониколаевске, приказал применять самые решительные меры в беспощадной борьбе со спекулянтами, продающими товары первой необходимости. Генерал распорядился без стеснения применять обыски, высылки, аресты и строжайшие взыскания [50, 17 дек.].

В приказе уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Екатеринбурге и ряде уездов Урала от 3 января 1919 г. предусматривалась ссылка на каторжные работы по 8-и категориям виновных и денежный штраф до 300 тыс. руб. Другой его приказ устанавливал за продажу и куплю военного обмундирования тюремное заключение до 3-х мес. или 3 тыс. руб. штрафа [14, л. 65, 54].

В начале апреля 1919 г. в Харбине Главном начальствующий на Дальнем Востоке подписал приказ о повышении штрафа за спекуляцию до 3-х тыс. руб. или 3 месяца тюремного заключения [25, 6 апр.]. Приказ № 1 командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды от 7 апреля 1919 г. предусматривал за спекуляцию продовольствием передачу дела в военно-полевой суд с наказанием от 10 лет лишения свободы до смертной казни [9, л. 81]. Атаман Уссурийского казачьего войска И. П. Калмыков в сентябре 1919 г. создал особую комиссию для того, чтобы приступить к уничтожению «всех спекулятивных начал». Однако в самом начале эту идею не поддержали в местной торгово-промышленной палате и из неё ничего не вышло [12, л. 107; 42, 4 нояб.; 22, 9 дек.].

Можно привести и конкретные действия военных властей. 10 мая 1919 г. в Шадринске ими был арестован крупный спекулянт Мельников [28, 19 мая]. В тот же день в Томске были арестованы и отданы под суд крупные спекулянты Енкин, Френкель и Штейнарт, нажившие миллионы [56, 18 мая и 22 июня; 31, 14 мая]. Здесь же, осенью 1919 г. за неоправданное повышение цен на мануфактуру были арестованы Л. и И. Брандт [47, 6 сент.].

В мае 1919 г. в Тюмени были взяты под стражу Лошкомоев, Первалов и их «компаньоны». 30 июня 1919 г. перед местным военно-полевым судом предстали Захаров и Бочкарев [53, 11 мая.]. В июне 1919 г. владивостокская газета «Эхо» сообщила о том, что в Омске по решению военно-полевого суда были расстреляны девять спекулянтов во главе с капитаном Афанасьевым. В свое время они продали товаров на сумму в 5 млн руб., которые были конфискованы [46, 28 июня].

Уже в те годы высказывалась мысль о том, что покровительство таких дельцов была на уровне Штаба

Верховного главнокомандующего [36.; 16, 28 мая; 53, 27 мая; 49, 29 мая; 36, 2 окт.; 29, 14 дек.].

Деятельность антибольшевистских властей по противодействию спекуляции не увенчались успехом [27, с. 81]. Тому было несколько причин. Во-первых, так и не были приняты соответствующие нормативно-правовые акты. Во-вторых, деформированная войной экономика была не в состоянии удовлетворить население в товарах даже повседневного спроса. В-третьих, обнищание, вызванное войной не только толкало часть сибиряков на спекулятивные действия, но и заметно снизило «планку» нравственного контроля над своим поведением у многих жителей региона.

Литература

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 346. Оп. 1. Д. 34.
2. ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 84.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 11. Д. 44 а.
4. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 110.
5. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 111.
6. ГАРФ. Ф. 190. Оп. 6. Д. 18.
7. ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 25.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р. 1362. Оп. 1. Д. 247.
9. Государственный архив Тюменской области (ГАТюО). Ф. 943. Оп. 1. Д. 4.
10. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.Р. 543. Оп. 1. Д. 129.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 193.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 167. Оп. 1. Д. 87.
13. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф.19. Оп.1. Д.301.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДНИОО). ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 125.
15. Аносов, И. И. Спекуляция и уголовный закон / И. И. Аносов // Сибирская жизнь. 1919. 22 марта.
16. Алтайская мысль. 1919.
17. Вестник Приуралья. 1919.
18. Военные ведомости. 1919.
19. Волжское слово. 1918.
20. Восточный курьер. 1919.
21. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918 – 1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. Т. 2. – Пекин-Харбин, 1921.
22. Голос Родины. 1919.
23. Голос Сибири. 1919.
24. Городской вестник. 1918.
25. Дальний Восток. 1919.
26. Дмитриев, Н. И. Частное предпринимательство и проблема спекуляции в период белогвардейского правления: на материалах Сибири / Н. И. Дмитриев // Предпринимательство в Сибири. – Барнаул, 1994.
27. Дмитриев, Н. И. Жертва общественного долга / Н. И. Дмитриев, С. В. Смирнов // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург, 2000. – № 8.

28. Заря Народопрравства. 1919.
29. Иркутские губернские ведомости. 1919.
30. Коневский, Ив. Борьба со спекуляцией // Земля и труд. – 1919. 19 марта.
31. Курганская свободная мысль. 1919.
32. Народная газета. 1919.
33. Народная свобода. 1919.
34. Народный вестник. 1919.
35. Наш день. 1918.
36. Наша деревня. 1919.
37. Никитин, А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью / А. Н. Никитин. – М., 1995.
38. Омск в дни Октября и установления Советской власти: сб. – Омск, 1947.
39. Освобождение России. 1919.
40. Отечество. 1919.
41. Правительственный вестник. 1919.
42. Приамурье. 1919.
43. Прибайкальская жизнь. 1919.
44. Приволжская правда. 1918.
45. Свободная Сибирь. 1919.
46. Свободное слово. 1919.
47. Сибирская жизнь. 1919.
48. Сибирская земская деревня. 1919.
49. Сибирская речь. 1919.
50. Слово. 1918.
51. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем сенате. 22 мая 1919. № 6. Отдел 1-й.
52. Телеграммы «Народной газеты». 1919.
53. Уральская жизнь. 1919.
54. Уссурийский край. 1919.
55. Филимонов, А. Большевики Иркутска и Красноярска в колчаковском подполье / А. Филимонов // Исторический журнал. – 1938. – № 12.
56. Эхо. 1919.
57. Lockett, R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War / R. Lockett. – L.; N. Y., 1971.
58. Ullman, R. H. Anglo-Soviet Relation, 1917 – 1921. Vol. II. Britain and the Russian Civil War / R. H. Ullman. – Princeton, 1968.